
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

**ЛЮБОВЬ К ВИДЕОРЕГИСТРАТОРАМ В РОССИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА
ИЛИ ЗАЩИТА ОТ КОРРУПЦИИ ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ?****Ковалев Виталий Владимирович**

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: Vitkovalev@yandex.ru

Сажина Лилия Валерьевна

доктор социологических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: Lil1970@yandex.ru

Иванова Наталья Борисовна

старший преподаватель кафедры политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: ladyzarulem@gmail.com

Статья посвящена анализу события, казалось бы, не имеющего к социальным наукам прямого отношения — падению метеорита под Челябинском. Однако этот кейс вскрывает целые пласты социокультурной реальности, которые помогают нам лучше понять как некоторые ментальные установки россиян, так и политику российского правительства по ряду аспектов информационного права. В статье обстоятельно анализируются причины интереса автолюбителей к видеорегистраторам, которые позволили зафиксировать «челябинский феномен», раскрываются особенности их использования, выявляются в свете ряда новаций в области законодательной деятельности власти перспективы применения этого гаджета как способа фиксации информации автолюбителями. Авторы полагают, что активность при отстаивании права на использование видеорегистраторов свидетельствует о том, что демократический потенциал российского общества не иссяк.

Ключевые слова: видеорегистраторы; автомобиль; культура; менталитет; право; власть; закон.

Падение метеорита под Челябинском (точнее, повсеместная запись на видеорегистраторах в машинах) стало предметом внимания в зарубежной прессе.

Космическое явление столкнулось с технологическими и социоисторическими условиями жизни в России, пишет *The New Yorker* в статье, посвященной привычке россиян прикреплать к лобовому стеклу маленькую черную записываю-

щую коробочку. Как цитирует портал newsru.com, русских понять можно: в России на дорогах людям угрожают опасности — «безумные пробки» и «территории беззакония», населенные «полицейскими, имеющими привычку вымогать, и разъяренными водителями, которые жаждут разбить вам лицо», а в суде без видеозаписи доказать что-то сложно.

Наличие большого количества видеорегистраторов во владении современных российских автомобилистов — модная мегауровневая, транснациональная тема дискурса. Мировая сеть изобилует многочисленными предложениями о приобретении данных технических средств. Однако интерес к видеорегистраторам у россиян-автомобилистов — это не только желание иметь как можно больше гаджетов, иллюстрируя этим свою «современность» и «продвинутость».

Интернет изобилует многочисленными предложениями о покупке данных устройств. Их можно приобрести и в обычных магазинах, где продается бытовая техника. Стоимость видеорегистраторов доступна для кошелька среднего россиянина — от 70 долларов. Поэтому многие автомобилисты их или уже купили, или стремятся приобрести. В чем же причины востребованности этих технических устройств в России? Исследуя этот вопрос, мы обнаруживаем глубокие социокультурные, социально-психологические и исторические корни, сформированные спецификой жизнедеятельности современного российского гражданского общества. С одной стороны, видеорегистраторы позволяют решать ряд проблем, с которыми автомобилисты сталкиваются на дорогах в повседневной жизни, с другой — они являются одним из простейших средств самовыражения, самодемонстрации и самопродвижения, доступных практически любому человеку вне зависимости от его знаний, навыков и умений.

Рассматривая указанные приборы видеорегистрации с обозначенных позиций, мы можем предложить определенную схему классификации потребностей использования видеорегистраторов россиянами.

Пожалуй, главная и наиболее универсальная — это отсутствие порядка на российских дорогах. Правила дорожного движения соблюдаются далеко не всеми автомобилистами. И это часть российской жизни, возможно, связанная с общим невысоким уровнем правовой культуры и правосознания.

Характеристика правового сознания россиян среди правоведов прошлого и настоящего связана с понятием «правовой нигилизм» [3, с. 15–25]. Считается, что в российском обществе роль права в регулировании общественных отношений не столь велика, как на Западе, а сами россияне относятся к нему как к чему-то третьестепенному. Так, по материалам всероссийского исследования, проведенного в мае-июне 2011 г. Центром соци-

ального прогнозирования (N = 3600) 47,8 % респондентов считают, что общество живет по своим правилам и лишь 5,8 % полагают, что в стране право регулирует практически все стороны жизни людей [14, с. 78]. Эти показатели абсолютно не соотносимы, так как почти половина россиян убеждены в том, что право «имеет мало отношения к жизни общества».

Эти данные можно трактовать двояким образом: либо граждане убеждены в том, что право не нужно в принципе, допуская возможность так называемых неправовых соглашений по спорным вопросам, либо сомневаются в способности его институциональных структур содействовать правовыми способами защите нарушенного права.

Относительно первого предположения рассуждать мы можем лишь умозрительно, поскольку специальных исследований по этому предмету не было. Однако ответ, полагаем, следует дать отрицательный, поскольку абсолютный правовой нигилизм противоречит как здравому смыслу, так и безопасности. В самом деле, было бы наивным предполагать, будто по каждому спорному социальному вопросу мы в состоянии договориться друг с другом без наличия четко определенных ориентиров, каковым можно считать закон. В этом смысле закон имеет преимущество даже перед нормами морали, которые оказались сильно деформированными в условиях современного индивидуализма. Закон более понятен и определеннее выражен, нежели нормы нравственности. Кроме того, он обращен ко всем гражданам на началах равноправия. Мораль же имеет свойства трансформироваться и видоизменяться в разных социальных слоях, из-за чего представители из разнородных социальных групп нередко имеют отличные друг от друга представления о правильном или неправильном. Что касается безопасности, то она обеспечивается охранительной функцией права, например, через Уголовный кодекс и выстроенную на его основе карательную систему. Эта институционализация совершенно необходима для защиты личных и имущественных прав граждан от агрессивных посягательств со стороны асоциальных элементов, возможность сговора с которыми крайне минимизирована.

Что касается второго предположения, то здесь речь необходимо вести о доверии тем институционализированным структурам, которые созданы и функционируют в институте права.

Важным показателем является частота обращения граждан для защиты своих нарушенных прав к определенному социальному адресу.

Таблица 1. К кому обращались граждане России для защиты своих прав за последние пять лет? % [14, с. 84]

Адрес обращения	Частота обращения
Суд	26,6
Хозяйственные руководители	19,7
Органы центральной или местной исполнительной власти	12,9
Сильные и влиятельные люди	11,7
Профсоюзы	3,1
Средства массовой информации	1,5
Другое	13,7

В данной таблице лишь обращение в суд говорит о том, что респондент предпочитает правовой способ решения проблемы. Все остальные адреса обращения отражают иные социокультурные ценности, которые никак не связаны с западными представлениями о законности и жизни в правовом государстве. В связи с этим важно отметить, что суд избрали менее трети опрошенных, что свидетельствует о крайне низком уровне доверия населения к институционализированным структурам института права.

Недоверие граждан к правовым учреждениям, в частности суду, объясняется их низкой эффективностью в решении правовых ситуаций. Так, например, очень показательны то, что «сильные и влиятельные люди», по оценкам респондентов, решали возникавшие ситуации в три раза эффективнее: 23,8 % решенных дел судом и 66,4 % дел, решенных «сильными и влиятельными людьми» [14, с. 92]. Неудивительно, что в целом недоверие суду высказали почти половина из числа опрошенных.

Эта же тенденция выявилась и в ходе проведения МИОН экспертного опроса в Ростове-на-Дону, Саратове, Воронеже и Иркутске (май-июнь 2007 г.).

Таблица 2. Какими способами, на Ваш взгляд, молодежь отстаивает свои права?

Способы отстаивания прав	Частота выбора, %
1. Обращение к органам власти	7,5
2. Обращение в суд	5,3
3. Обращение в средства массовой информации	14,7
4. Участие в акциях, проводимых полит. партиями и общ.-полит. организациями	23,4
5. Участие в митингах, пикетах и демонстрациях	15,3
6. Организация и участие в интернет-акциях	28,9
7. Защита своих интересов нелегальным путем	8,9

В этих данных обращает на себя внимание то, что из семи предложенных экспертам способов защиты молодежью своих права частота выбора суда оказалась на последнем месте, значительно уступая ориентированности на СМИ, интернет-акции, участие в митингах и пикетах.

В тесной взаимосвязи с этими положениями находятся и данные о возможности обращения гражданами в правовые учреждения для решения своих проблем в будущем.

Таблица 3. Обратятся ли опрошенные в будущем в правовые учреждения? % [14, с. 124]

Зависит от проблемы, которую предстоит решать	46,4
Еще не знают	29,1
В обязательном порядке	12,8
Если есть малейшая возможность, постараются избежать обращения в правовые учреждения, предпочитая решать проблему альтернативным путем	5,6
К правовым органам для решения своей проблемы никогда не обратятся	4,2
Затруднились ответить	1,9

Как видим, большая часть россиян ставят возможность обращения в правовые учреждения для решения своих проблем в зависимость от конкретной ситуации; около трети не определились с этим вопросом; и лишь десятая часть выразила твердую уверенность в том, что спорные ситуации следует решать исключительно легальным способом.

Эти данные также свидетельствуют о крайне низком уровне доверия к структурным элементам института права.

Подводя промежуточный итог, отметим, что проведенный анализ эмпирических данных позволяет нам утверждать, что россияне относятся к институту права с тотальным недоверием на всех его элементарных уровнях: право не является базисной ценностью россиян в социальном взаимодействии, не выполняет свои функции, а его учреждения (правоохранительные органы) работают неэффективно, что порождает исключение их из орбиты внимания россиян при решении социальных проблем. Налицо наличие правового нигилизма, который формирует характерные для этого состояния стереотипы отношения к праву, нивелирующие в массовом сознании его социальную ценность.

Деформации правового сознания можно легко объяснить отсутствием в российском социуме механизмов, которые Т. Парсонс анализировал как условия, определяющие способность общества функционировать в качестве самоорганизующейся системы [9, с. 42]. В российском социуме есть, по меньшей мере, две линии разлома: между акторами социального действия (отсутствие доверия) и во взаимодействии общества и государства. Но у этих общекультурных особенностей есть и вполне конкретные проявления, имя которым «коррупция дорожной полиции». Так уж сложилось в российском сообществе автолюбителей, что получается быстрее и дешевле дать взятку полицейскому, чем оплатить официальный штраф в банк. Со временем это развратило правоохранительные органы, и сейчас нередко имеют место случаи открытого вымогательства взяток с владельцев автомобилей на основе сфальсифицированных данных о якобы имевшем место нарушении. Наличие видеорегистратора позволяет зафиксировать происшествие и следующий за этим процесс общения с дорожной полицией. На суде запись видеорегистратора может стать надежной защитой от надуманных со стороны дорожного полицейского обвинений. Очень часто такой возможностью пользуются водители дальних грузо-

перевозок, которые страдают не только от коррупции дорожной полиции, но также могут стать объектом разбойного нападения со стороны криминала.

Вот почему важнейшей функцией гаджета является видеофиксация определенного факта или процесса, имеющего место в дорожных условиях. С этой точки зрения видеорегистраторы стали средством, объединившим многих автомобилистов в борьбе за равные права на дорогах. Съемка и размещение в Интернете фактов нарушения ПДД водителями автомобилей, имеющими в России определенные привилегии (автомобили различных государственных служб и структур с мигалками, автомобили чиновников и членов их семей и пр.), явились одним из доступных россиянам средств демонстрации своего возмущения поведением «привилегированных» водителей. Именно этот момент был той отправной точкой, с которой началось победное шествие видеорегистраторов по России.

Огромное значение также имеет возможность подтверждения корректности действий автомобилиста в случае аварии при рассмотрении дела в суде.

Конечно, запись с видеорегистратора принимается судом как доказательство, однако, чтобы использовать ее, нужно знать некоторые нюансы. Видеозапись недостаточно просто принести в суд или показать сотруднику ГИБДД. Сотрудник ГИБДД должен сам изъять видеозапись на месте ДТП и сделать об этом соответствующую отметку в протоколе. И об этом должен позаботиться сам автовладелец, так как чаще всего работникам инспекции нет до этого дела, они привыкли пользоваться старыми методами установления виновника аварии. По прибытии сотрудников ГИБДД на место ДТП автовладелец должен сообщить, что в авто установлено записывающее оборудование и проследить, чтобы были соблюдены все юридические формальности. Инспектор должен записать в протокол, что в авто установлен видеорегистратор, что запись изъята и приложена к делу, он должен также указать модель и производителя устройства. Желательно, чтобы карта памяти была при свидетелях помещена в конверт и опечатана, как вещественное доказательство. При изъятии записи должны присутствовать понятые, которые должны в подтверждение этого поставить подпись в протоколе. После этого видеозапись обязательно примет суд.

Однако принятие записи видеорегистратора в качестве доказательства или отказ в этом все еще

остаётся на усмотрение судьи. В данное время российские эксперты разрабатывают четкие критерии, которым должны соответствовать видеорегастраторы. Они включают в себя полную защищенность прибора от постороннего вмешательства (с целью невозможности изменить информацию), абсолютную точность в случае измерения прибором скорости движения и др. Реализация данной инициативы планируется в 2014 г.

Кроме судебных разбирательств, россияне крайне не доверяют сложившейся в России системе страхования автомобилей и страховых выплат: дело в том, что страховые компании стремятся занижить выплаты, используя для этого различные, в том числе и незаконные методы.

Действительность, увы, такова, что пострадавшие в ДТП систематически сталкиваются с откровенным нежеланием страховщиков добросовестно выполнять закон и взятые на себя обязательства по выплатам. А с тех пор как в 2009 г. ввели понятие «прямого возмещения» (т.е. узаконили право клиентов обращаться за выплатой в свою страховую компанию), количество конфликтов между страхователями и страховщиками значительно возросло. Ситуация сложилась парадоксальная. Страхователь тщательно выбирает крупную, надежную, платежеспособную компанию, руководствуясь разного рода рейтингами и отзывами. И справедливо надеется, что у этого страховщика проблем с возмещением убытков не будет. Однако во многих случаях владельцы пострадавших в аварии автомобилей получают необоснованный отказ.

С тех пор как был введен принцип прямого возмещения убытков и по сей день ряд страховых компаний оказывают весьма активное противодействие этому проекту. На практике это выглядит следующим образом: если клиентом заявлен крупный убыток, потерпевшего под всякими фиктивными предлогами стараются отправить в компанию виновника, если же, наоборот, ущерб оказался минимальным, то обязанная осуществить выплаты страховая компания этот незначительный ущерб возмещает.

Таким образом, страховщики нередко бойкотируют систему прямого возмещения убытков.

Между тем по законодательству Российской Федерации не предусмотрены строгие санкции по отношению к таким страховым компаниям. Многие законодатели считают, что хорошим выходом из сложившегося положения могло бы стать использование европейского опыта в виде прямого возмещения убытков на безальтернативной осно-

ве. Тогда клиент станет обращаться исключительно к своему страховщику. А страховая компания, в свою очередь, не будет иметь ни малейшего права отсылать его в компанию виновника. К сожалению, в настоящее время (при альтернативном прямом возмещении убытков) страховщик все же имеет ряд законных оснований отказать своему клиенту в выплате. В этом случае демонстрация видеозаписи является важным фактором, влияющим на принятие решения.

Таковы основные социальные причины, обеспечивающие поистине всенародную популярность видеорегастраторов.

Помимо регистрации общих фактов видеорегастраторы выполняют в России и ряд других функций. Ряд причин носят психосоциальный характер: видеорегастратор может быть простейшим средством самовыражения и самоидентификации вне зависимости от знаний и навыков водителя. Как точно подметил Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» (1968, 1991 гг.), гаджет может послужить заменой человеческих отношений. В действительности действия самого индивида в большинстве случаев пассивны (он всего лишь ведет машину), запись происшествия осуществляется без его участия, его последующие действия в данном случае сводятся к выполнению простейших операций в сети Интернет. Однако ожидание реакции интернет-сообщества и в случае удачного размещения обсуждение и оценка ролика позволяют автомобилисту изменить свой статус от пассивного до активного. Таким образом, у автомобилиста складывается ложное впечатление о своей «высокой значимости», ценности, что, безусловно, повышает его самооценку. Получая многочисленные отклики на свое сообщение, индивид получает иллюзорную уверенность в личном совершении каких-либо действий.

Мы видим, что в функционировании видеорегастратора заложено разрешение какой-либо социальной или психологической проблемы, конфликта индивида, по мнению Э. Дихтера и Л. Мамфорда в «Стратегии желаний». С помощью видеорегастраторов автолюбитель может привлекать к своей персоне дополнительное внимание, удовлетворяя определенные потребности в запросах общества.

Видеорегастрации в России подвергается большая часть автомобилистов на дорогах страны. Серьезные аварии и смешные автомобильные происшествия, интересные истории с участием животных на дороге — любая видеoinформация, способная вызвать интерес аудитории, по мнению

зафиксировавшего ее, выкладывается в Интернет. Количество отснятого и размещенного в Сети материала позволяет сделать вывод о том, что мода на видеореги­страторы в России — массовое явление и аудитория владельцев данных гаджетов со временем может только расширяться.

Между тем такая, казалось бы, совершенно аполитичная тема становится объектом пристального внимания со стороны власти. В Государственную думу внесены поправки, согласно которым любые устройства, закрепленные на лобовом и боковых стеклах автомобиля, включая видеореги­страторы и навигаторы, могут быть запрещены. Правда, стоит отметить, что до принятия закона еще далеко, против него высказался ряд высокопоставленных чиновников из правящей партии «Единая Россия». Однако процесс сдвинулся с мертвой точки и на него необходимо обратить внимание.

Новая редакция касается ч. 3.2 ст. 12.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Соответствующий законопроект внесен в Госдуму Законодательным собранием Оренбургской области.

Поправки, согласно которым подпадают под запрет устройства, закрепленные на лобовом стекле (навигаторы, видеореги­страторы, а также тонировка), внесены на рассмотрение в Госдуму. В тексте законопроекта говорится, что за «дополнительные предметы или покрытия многократного использования, ограничивающие обзорность с места водителя», будет полагаться штраф 500 руб. вместе с конфискацией такого устройства.

«3.2. Управление транспортным средством, на ветровом и передних боковых стеклах которого установлены дополнительные предметы или покрытия многократного использования, ограничивающие обзорность с места водителя, влечет наложение административного штрафа в размере пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения», — следует из Текста новой редакции ст. 12.5 ч. 3.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

«Установлены факты использования <...> так называемой съёмной тонировки, т.е. использования на ветровом и передних боковых стеклах различного рода легко демонтируемых приспособлений (быстросъёмные солнцезащитные шторки, пластиковые накладки, сетчатые, перфорированные светофильтры, дополнительные стекла с покрытием и др.), ухудшающих светопропускание стекол», — говорится в пояснительной записке к законопроекту. За эти правонарушения полагает-

ся штраф в 100 руб. «Незначительный размер административного штрафа за данное правонарушение <...> как правило, влечет за собой повторность совершения правонарушения», — говорится в записке. Из пояснения следует, что именно с этим и связано внесение новой поправки.

Кроме того, авторы законопроекта сделали акцент на том, что выкладывание материалов, отснятых с помощью видеореги­страторов, в сети Интернет нарушает право граждан на частную жизнь.

В Российской Федерации применительно к исследуемой проблеме действуют всем известные базовые информационные нормы ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (п. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2 ст. 23). Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (п. 1 ст. 24). Вмешательство в частную жизнь, ограничение тайны телефонных переговоров и корреспонденции может осуществляться только на основании закона РФ или судебного решения. Неприкосновенность жилища гарантируется в ст. 25 Конституции. В ст. 29 Конституции содержатся гарантии свободы слова и свободы информационного обмена (права искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом), а также запрет цензуры. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции перечисленные статьи имеют высшую силу и прямое действие.

Данные нормы должны закреплять содержание и характер информационных процессов, происходящих в сети Интернет. При этом другая конституционная норма, декларирующая право свободы поиска, передачи, производства информации (п. 4 ст. 29), предоставляет соответствующие права субъектам информационных отношений только в случае соблюдения таковыми законных интересов и прав других субъектов, т.к. в ней содержится указание на реализацию перечисленных действий только при осуществлении «любимым законным способом».

Приведенные гарантии информационных прав граждан раскрываются в отечественном законодательстве, регулирующем отношения в сфере информатизации (информационном законодательстве).

В Федеральном законе 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12] (далее — закон «Об информации») вводится институт персональных данных (п. 9 ст. 9).

Федеральный закон «О персональных данных» [13] не характеризует персональные данные в целом как конфиденциальную информацию, даже более того, наряду с просто определением «персональных данных» содержит определение «общедоступных персональных данных» — термин, который невозможно логически соотнести с информацией ограниченного доступа.

В ст. 3 ФЗ «О персональных данных» содержится определение «конфиденциальности персональных данных», которая заключается в их нераспространении, т.е. недопущении действий, направленных на передачу и ознакомление с персональными данными третьими лицами, их опубликование, размещение в открытом доступе. Соблюдение конфиденциальности не требуется в случае обработки общедоступных персональных данных и в случае их обезличивания, т.е. утраты всякой связи с субъектом, что не позволяет, по видимому, их в дальнейшем вообще рассматривать в качестве персональных данных. Следовательно, рассматривать персональные данные в целом как информацию ограниченного доступа вряд ли представляется возможным, скорее, было бы правильным ввести в таком случае в оборот категорию «конфиденциальные персональные данные». В итоге из всей массы персональных данных это позволило бы выделить те из них, на которые законодательством распространяется требование соблюдения конфиденциальности. Исключением из правила следует считать случаи, упомянутые в ч. 2 ст. 1 ФЗ «О персональных данных», — персональные данные, составляющие государственную тайну, хранящиеся в архивах, находящиеся в едином реестре индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, обрабатываемые исключительно для бытовых нужд. На часть из них будет распространяться другой режим ограничения доступа — режим государственной тайны. В отношении двух других случаев будут действовать совершенно другие правовые режимы, в рамках которых говорить об ограничении доступа к персональным данным в полной мере невозможно.

Самая общая оценка перечисленных правовых норм не дает нам возможности оценить усилия власти по запрету видеорегистраторов с юридической точки зрения. Кроме того, правовое поле,

в котором находятся интернет-пользователи в Российской Федерации, только начинает формироваться. В нашей стране нет ни одного специального нормативно-правового акта, посредством которого осуществлялось бы регулирование интернет-пространства.

Среди специалистов идут споры о том, в каких рамках следует регулировать интернет-отношения: стоит ли выделить в интернет-право [10, с. 56] или рассматривать в более широком смысле, в рамках информационного права [8, с. 56]. Существуют две точки зрения среди специалистов, которые занимаются данной проблемой. Одни придерживаются мнения о том, что такой институт права уже существует, предпочитая понятие «информационное право». Например, И.М. Рассолов в своей книге «Право и Интернет» полагает, что «существует комплексный институт права, который включает в себя нормы различных отраслей права, регулирующих отношения в виртуальном пространстве и вне его» [10, с. 7]. Д.К. Александров в статье «Интернет-право быть» [2, с. 3–5] упоминает данный институт как правовую форму регулирования общественных отношений, которые возникают при обмене информацией в сети Интернет, и выделяет методы его регулирования — частно-правовой и публичный. Для обозначения этого института оба автора используют термин «интернет-право». В противовес этой точке зрения приводится мнение, суть которого заключается в том, что не существует оснований для «искусственного» внедрения новой отрасли права. Например, А.Н. Ивлев считает, что «...преждевременно говорить о сетевом праве как об отдельной отрасли права, так как оно не обладает ни собственным предметом, ни методом правового регулирования» [6, с. 10–12]. Можно с уверенностью сказать, что определение предмета и метода правового регулирования в Сети является одним из приоритетных вопросов, без четкой формулировки которых невозможно систематизировать в комплексное законодательство нормативную базу, направленную на регулирование отношений, связанных с Интернетом.

Всемирная паутина пока еще мало исследована с точки зрения юридической специфики отношений, возникающих в связи с ее существованием и практическим применением.

Во-первых, нет достаточной определенности в решении вопроса о юридической природе самого Интернета. Во-вторых, нет четкости в понимании вопроса о праве, применимом к этим правоотношениям.

Ни в одной стране мира не существует организационной структуры, выступающей в качестве единоличного собственника или владельца данной компьютерной сети. Не является владельцем Интернета и федеральное Правительство США, практически прекратившее финансирование даже отдельных сетей на территории государства. Не имеет уже отношения к Интернету и Министерство обороны США, у которого имеется собственная засекреченная компьютерная сеть.

Для обычного клиента представителем того, что он называет Интернет, выступает поставщик, предоставляющий ему канал связи с соответствующим программным обеспечением. В тех случаях, когда клиент совершает возмездную сделку во время сеанса связи в Интернете (например, подписывается на заинтересовавший его журнал в электронной версии), он знает, что его контрагентом выступает не поставщик, а организация.

Для фирмы — производителя сетевых услуг представителем Интернета являются специализированные компании, способные разместить предлагаемую производителем информацию на своих компьютерах (серверах) и сделать ее доступной для других пользователей Сети (на условиях фирмы-производителя). Такая специализированная компания (владелец сервера) часто одновременно является и поставщиком, но так бывает не всегда, и в этом случае владелец сервера входит в Интернет на общих основаниях [4, с. 58].

Для поставщика представителем Интернета выступают более крупные сети, предоставляющие ему возможность соединения с ними. У каждой из таких сетей есть собственный владелец. Однако каждый владелец ни технически, ни юридически контролировать Интернет не может.

Представители наиболее крупных сетей Интернета объединены в несколько организаций так называемого сообщества Интернет. Однако эти организации не являются органами управления сетью. Они занимаются в первую очередь согласованием технических стандартов (обмена данными, соединения сетей и т.д.), а также регистрацией так называемых узловых компьютеров (соединенных между собой точками встречи) и доменных адресов или имен (идентификационных названий таких компьютеров). Само по себе это очень важно для технического функционирования Сети, но недостаточно для управления организацией [4, с. 59].

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что у Интернета не существует признаков, обычно характеризующих юридическое

лицо. Интернет не обладает организационным единством, не инкорпорирован ни в одной из стран мира и не создан как международная организация. Интернет не имеет собственного обособленного имущества, так как используемые в нем материальные и информационные ресурсы принадлежат на праве собственности самым разным субъектам (каналы связи — телекоммуникационным компаниям; компьютеры, производящие подключение к сети, — поставщикам; компьютеры клиентов — самим клиентам; техническое и программное обеспечение работы магистральных сетей — владельцам таких сетей; распространяемая на коммерческих условиях информация — ее производителям и прочим владельцам). Не способен Интернет и иметь какие-либо самостоятельные права и нести обязанности, так как за каждым возникающим при работе в Интернете правоотношением стоит конкретный правоспособный субъект [7, с. 15–16].

Итак, Интернет не является субъектом права, т.е. участником правоотношений. Если воспринимать Интернет как технологическую среду, в которой реализуются различные правоотношения, то Интернет не может быть предметом этих правоотношений, следовательно, и «Закон об Интернете» не имеет права на жизнь. Однако многие аспекты использования Сети выявляют критическое отсутствие правового регулирования и государственной позиции (политики) в отношении развития деятельности с использованием Интернета, следовательно, имеется потребность в формировании Основ государственной политики в области развития и использования глобальных информационных сетей, которые могут быть предметом федерального закона либо могут быть утверждены указом Президента РФ, при этом задачей законодателя будет нормативно-правовое обеспечение этой политики [5, с. 35–36].

Основополагающим принципом законодательной деятельности, определенным в указанных выше концептуальных документах, является баланс интересов личности, общества и государства. Понятно, что такой баланс труднодостижим, более того, определенные Конституцией права и свободы человека и гражданина являются базовыми. Однако Конституция РФ устанавливает и ограничения этих прав в интересах других лиц (ч. 3 ст. 17), общества (ч. 2 ст. 29 и др.) и государства (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56) [11, с. 61].

Если Интернет не является ни объектом, ни субъектом права, разговор о какой-либо юриди-

ческой специфике его функционирования является вообще беспредметным.

Но это не так. Специфика отношений, связанных с работой в сети Интернет, безусловно, имеется. Его появление и развитие вносит много принципиально нового в характер взаимоотношений между людьми и организациями, связывающимися между собой через Сеть, а также влечет возникновение новых деятельных субъектов — производителей сетевых услуг. Скорее всего, юридическая особенность отношений между пользователями Интернета (как и отношений по поводу производимых в сети действий) заключается в специфическом способе реализации прав и обязанностей лиц — пользователей Сети [1, с. 17–18].

Целостная и систематизированная правовая основа регулирования сети Интернет в России еще не сложилась. Лишь некоторые отраслевые правовые акты, несмотря на отсутствие фундаментальной законодательной базы, содержат нормы, если и не прямо регулирующие отношения, связанные с Интернетом либо затрагивающие их содержание, то с определенной позиции применимые к ним. Такие нормы имеются, например, в Гражданском кодексе РФ, в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации». Положения, касающиеся сети Интернет, включены и в отдельные кодифицированные акты: в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 247. ч. 9), в Налоговый кодекс РФ (ст. 264. п. 25). Кроме того, принят ряд подзаконных нормативных правовых актов, тем или иным образом относящихся к сети Интернет, например постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти». Уже сам факт присутствия указанных норм в законодательстве говорит о наличии тенденций к формированию нормативного регулирования.

Однако это всего лишь тенденции, и их наличие никак не может юридически обуславливать запрет на использование данных видеорегистраторов в сети Интернет. Надо сказать, что анализируемый законопроект встретил однозначно негативную реакцию общественности. Водителей и представителей общественных организаций больше всего насторожило, что перечень предметов, подпадающих под запрет, в поправке не перечислен. Они опасаются, что все видеорегистраторы и навигаторы, которые крепятся на лобовом

стекле, могут оказаться вне закона. Сама по себе такая «обтекаемая» формулировка закона даст возможность полиции объявить в качестве незаконного любой предмет, который каким-то образом может оказаться неудобным.

В настоящее время в Российской Федерации видеорегистраторы находятся на более чем 1 млн. автомобилей. Если учитывать существующую тенденцию, то к концу 2013 г. уже каждая 20-я машина будет ими оборудована, что в совокупности нам даст цифру в 2 млн. регистраторов или даже больше. Очень важно, что водителей, которые боятся защищать таким образом свои законные права, все меньше, ведь фактически видеорегистратор стал тем самым противовесом негласному правилу судов «нет оснований не доверять сотрудникам полиции».

Российские автомобилисты не сомневаются, что новая поправка в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации наверняка лоббистская, потому что она на руку нашей ГИБДД, которая часто терпит поражения в судах благодаря видеозаписям водителей.

С нашей точки зрения, перспектив принятия у данной поправки нет. Едва ли этот законопроект в ближайшее время может стать действующим законом, хотя запрет на видеорегистраторы, в принципе, очень органично ложится в общее русло социально-политических мероприятий российской власти последних десяти лет. Речь идет о создании таких институтов, которые позволяют, сохраняя видимость демократии, успешно контролировать те ее ростки, которые начали пробиваться в начале реформ 90-х гг. XX в. Запрет на видеорегистраторы снизил бы юридическую защищенность российских граждан, что позволило бы государству упрочить бесконтрольность власти. В то же время такое решение непременно было бы интерпретировано как российской ответственностью, так и международным сообществом в качестве попирающего права человека. Российская же власть не готова на данном этапе представлять в столь неприглядном свете. Не стоит забывать также о постепенной утрате властной элитой легитимности в глазах россиян. С учетом пробуксовки экономических реформ (особенно в области макроэкономики) власть утрачивает кредит общественного доверия. Вероятно, власть проявила разумную осторожность, когда, забросив в Интернет информацию о запрете видеорегистраторов и столкнувшись с единодушной и агрессивной позицией общества, процесс легитимации запрета остановила.

Что покажет будущее — неизвестно, но эта «маленькая» победа общества позволяет надеяться, что российский социум еще окончательно не утратил способность к самозащите и те ростки демократии, которые когда-то взошли в начале 90-х гг. прошлого столетия, со временем пустят глубокие корни в сфере общественной морали и станут могучей защитой от антидемократических посягательств.

Список литературы

1. *Абрамов Т.И.* Есть ли специфика правоотношений в среде «Интернет» // Информационная безопасность. 2009. № 2. С. 14–21.
2. *Александров Д.К.* Интернет-праву быть // Юрист. 2009. № 2. С. 3–7.
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. 211 с.
4. *Власенко А.В.* Развитие нормативно-правовой базы в сфере интернета в России // Право и жизнь. 2009. № 10. С. 58–64.
5. *Данцев А.П.* Правовая природа «Интернета» // Право и жизнь. 2007. № 6. С. 35–39.
6. *Ивлев А.Н.* Право, Интернет, реальность // Современное право. 2008. № 4. С. 10–17.
7. *Климов А.Т.* Совершенствование правового регулирования сайтов сети Интернет // Информационное право. 2007. № 2. С. 15–22.
8. *Копылов В.А.* О теоретических проблемах становления информационного права // Информационные ресурсы России. 2008. № 3. С. 56–61.
9. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002. 589 с.
10. *Рассолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 189 с.
11. *Фатьянов А.А.* Тайна и право (основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве). М.: Юрист, 2009. 252 с.
12. *Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в последней редакции закона от 02.07.2013 г. № 187-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; Российская газета. 2013. 7 июля.*
13. *Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в последней редакции закона от 23.07.2013 г. № 205-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 2). Ст. 3449; Российская газета. 2013. 30 июля.*
14. *Шереги Ф.У.* Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетейя, 2012. 348 с.

LOVE FOR VIDEOREGISTRARS IN RUSSIA: SOCIO-CULTURAL PECULIARITIES OF MENTALITY OR PROTECTION FROM CORRUPTION OF ROAD POLICE?

Vitaly V. Kovalev, Liliya V. Sazhina, Natalia B. Ivanova

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

The article is devoted to the analysis of the event, seemingly, not having any relation to social science — the fall of the meteorite near Chelyabinsk. However, this social case reveals the entire strata of the social and cultural realities, that help us better to understand both some mental attitudes of the Russians and the policy of the Russian government to a number of aspects of information law. In the article we thoroughly analyze the reasons of interest motorists to videoregistrars, the peculiarities of their use, reveal the prospects of application of this gadget as a method of fixation of information by motorists in the light of a number of innovations in the field of legislative activity of the authority. Authors suggests, that asserting of right on using of videoregistrars is evidence of Russian society democratic potential.

Key words: videoregistrars; automobile; culture; mentality; rights; authority; law.